

ПРОГРАММА СОЦИАЛЬНОЙ МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ: ВКЛАД ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА

В настоящее время в обществе формируется два принципиальных подхода к определению социальной молодёжной политики. В первом случае в качестве приоритетной ставится задача защиты и сохранения нравственного и физического здоровья молодёжи. Второй подход связан с разработкой средств формирования социокультурного богатства территории. Если в первом подходе политика выстроена как охранительная и предупредительная реакция на возможные угрозы социальному и физическому здоровью молодёжи, то во втором — политика представляет собой проектирование будущего образа поколения.

Андрей Андрюшков,
заведующий
лабораторией НИИ
стратегий развития
общего
образования

В большинстве случаев программы, реализующие социальную молодёжную политику в России, разработаны в методологии защиты и сохранения здоровья нации — борьба с наркоманией, профилактика ВИЧ/СПИДа, социальные программы поддержки трудоустройства молодёжи. Автор статьи заостряет внимание на чертах второго подхода, не отменяющего безусловную значимость первого, однако позволяющего разрабатывать стратегии развития территории (региона) на достаточно долгосрочную перспективу.

Суть рассматриваемого подхода заключается в том, что молодёжь, проживающая на территории, должна восприниматься не только как потенциально нездоровая среда, как пограничный социальный мир, мир риска. Если рассматривать мир молодых людей как среду, в которой «ткётся» будущее России, то предметом социальной молодёжной политики оказывается именно будущее. И труд работников социальной сферы может быть сравнен с трудом садовода, взращивающего сад, образ которого отчётливо виден ему в перспективе. Социальная молодёжная политика — это в первую очередь, политика воспитания молодого поколения, политика его подпитки и прививания к древу истории и культуры данной территории. К сожалению, ни в одной из известных мне программ социальной молодёжной политики в России образ социокультурного будущего не прописан, как не прописан, соответственно, и образ поколения, готового такое будущее строить. Эти программы не могут рассматриваться как стратегические, они имеют либо вневременной характер (как, например, вся сфера социальной профилактики — она требуется всегда, вне зависимости от поколенческих эпох), либо рассчитаны на относительно небольшой период — в лучшем случае от двух до пяти лет (чаще — на год, что обусловлено бюджетной логикой, а не логикой самой молодёжной политики).

Парадокс ситуации заключается как раз в том, что в современном обществе всё чаще обсуждается необходимость разработки региональных стратегических программ. Даже такие небольшие административные единицы, как районы, обязаны иметь свои программы развития территории. Но при этом социальная молодёжная политика обыкновенно не рассматривается как относящаяся к развитию территории. Не странно ли, что любой глава управы, имея представление о благоустроенной территории — с фонтанами, чистыми улицами и т.д., не видит образа молодого человека, на ней проживающего? И связано это, опять же, не с тем, что

плохи главы управ, а с тем, что культуры управления развитием человеческого капитала в России нет вообще. Точнее, не существует ясной и принятой управленческим сообществом нормы: оценивать человеческий капитал применимо к любой территории в качестве основного условия развития этой территории.

Попробуем взглянуть на социализацию подростков как на главный предмет социальной молодёжной политики. Определим, какие формы социокультурной жизни для данной территории являются предпочтительными и выстроим программу формирования человеческого капитала, обладающего способностью проектировать и создавать такие формы жизни. Богатство территории определяется не только финансовыми потоками, циркулирующими в ней, или фондом собственности, представленным на территории, но в большей степени именно человеческим потенциалом. Продуманная социальная молодёжная политика, ориентированная на будущее этой территории (то есть на грядущие 15–50 лет), — это в первую очередь инвестиции в человеческий потенциал, повышение уровня образованности молодёжи, формирование уникальных социокультурных связей, общественных движений и т.д. Подобная постановка вопроса приводит нас к правомерному определению: социальная молодёжная политика — это общественно-политическая воля старшего поколения, готового осуществить «инвестиционный вклад» в подрастающее поколение.

Ещё раз обратим внимание на смещение акцентов при таком взгляде на социализацию: **социализация рассматривается не как адаптация подростков к существующим социальным функциям, а как формирование у них способности к проектированию таких форм социальной жизни и профессиональных сообществ, которые принимаются в качестве приоритетных для развития**

данной территории. Конечно же, для подростков, уже попавших в группы социального риска, задача адаптации, возвращения в гражданский мир является наиболее значимой. Однако есть два существенных ограничения для распространения такой установки на всю социальную молодёжную политику. Во-первых, очевидно, что существуют другие группы молодёжи и без анализа их социализационных трасс невозможно однозначно говорить о том, что адаптация является общей для всех задач. Во-вторых, причисление подростка к группам риска — очень индивидуальная процедура. Анализ мировой практики общественных социальных программ показывает, что в большинстве случаев для отнесения детей к той или иной социальной категории приходится руководствоваться не фактом участия подростка в преступлениях, а социальной мотивацией, приведшей к такому факту. Напомню, что программы лидерства (leadership), перенятые нами из западной практики, вырастали как раз из работы с подростками, относящимися к группам риска. В какой-то момент обнаружилось, что лидерские способности, проявившиеся в сознательной форме у детей с девиантным поведением, не находят социальной поддержки в законных добропорядочных сообществах. Программы лидерства как раз и возникли как интегральные сквозные проекты для выявления детей с такими способностями и включения их в разработку социально значимых дел. Так формировался лидерский капитал территорий и одновременно решались непростые профилактические проблемы. Бывшие потенциальные «молодые преступники» оказывались в центре социально значимых дел, направленных на оздоровление территории. Очевидно, что компетенционный и мотивационный анализ молодёжной среды помогает использовать индивидуальный подход при определении социализационных трасс подростков.

Запуск программ лидерства и ей подобных в рамках территориальной социальной молодёжной политики ставит вопрос о субъекте этой политики и обеспечивающей её социальной инфраструктуре. Экспериментальная программа «Создание в Западном административном округе г. Москвы единого воспитательного пространства и социальной инфраструктуры детства» даёт свой ответ на этот вопрос: само сообщество, проживающее на территории, является субъектом социальной молодёжной политики. Социальная инфраструктура любого района выстраивается как минимум из трёх управленческих масштабов — городского, окружного и собственно районного, однако непосредственно «потребителем» социальных услуг является население территории и, в нашем случае, сама молодёжь. Формой вовлечения молодых людей в социальную молодёжную политику стали социальные образовательные проекты, разработка и реализация которых невозможны без коммуникации между учреждениями образования, социальными службами, общественными объединениями и управами (последние выступают как основной, «стягивающий» управленческий фокус).

Организационно-деятельностные игры, прошедшие в рамках реализации экспериментальной программы, позволили получить опыт создания коммуникативных площадок между управами и учреждениями образования. Предметом их деятельности стала разработка и поддержка социальных образовательных проектов. Опыт также показал, что без ясной позиции управы в вопросе о развивающем территорию эффекте и без стратегии развития человеческого капитала выстроить партнёрские отношения с учреждениями образования невозможно.

К сожалению, сам институт районных управ сегодня во многом детерминирован зависимым положением, управы не являются «хозяевами своего рай-

она». В определении себя как хозяев района содержится очень важное преимущество для управы, поскольку это повышает уровень ответственности людей, работающих в управе, за территорию. На мой взгляд, ни практика миграции управленцев из управы в управу, ни регулярная смена кадров не являются практикой, способствующей программам развития территории. И в первую очередь это касается программ, которые выстраиваются в коммуникации с учреждениями образования.

Школа «укоренена» на территории, через педагогический коллектив проходят поколения семей, живущих здесь, её внутренний социальный мир неразрывно связан с миром района (округа). Поэтому школа должна «выходить» в социум с социально-образовательными инициативами, носителями которых являются семьи, детско-взрослые общности. Поддержать эти инициативы, соотнести их с программой развития территории, подключить государственные службы и бизнес-группы к их реализации может только управа, а в конечном итоге — конкретные люди, для которых она не чужая, а своя, но никак не заезжие «временщики».

Подключение учреждений образования к участию в социальной молодёжной политике predetermined также их функцией «аккумулятора» образовательного потенциала территории. Именно они выступают субъектами вовлечения детей в мир культуры. Однако основная проблема современной школы заключается в том, что её быстрое социальное значение потеряно. В обществе превалирует отношение к школе как социальной неизбежности, а к старшим классам — как средству поступления в вуз. Да и сама школа сегодня во многом смирилась с таким отношением, всё более замыкаясь в отведённых ей рамках. Но смириться с существующим статусом школы никак нельзя, более того — губительно. Ни о каком развитии района говорить не приходится,

если школа воспринимается как своеобразная «крепость», куда сгоняют детей, чтобы «они чего не натворили». Такой же тупиковый путь — существующая практика использования школы как исполнителя спущенных свыше программ мероприятий, имеющих якобы социальный и воспитательный эффект, однако эффективность этих мероприятий никто не проверял. **Школа должна выступать как активный субъект формирования социокультурных сред района, потому что мода на стиль и образ жизни формируется у молодежи в образовательных учреждениях.** Замыкание школы в себе, без активного вмешательства в образ жизни сообщества, — губительно как для территории, так и для школы.

Парадоксально, но органами районного управления школа не рассматривается как равномогущий субъект социальной молодежной политики; причина в том, что социальный мир детства оказался сегодня разорван между зонами влияния различных ведомств. Координация их действий на местах осуществляется стихийно, без единого экспертного анализа реализуемых на территории программ. Воспитание молодого поколения как одно из величайших искусств, созданных человечеством, не может быть закреплено в качестве функции за каким-то одним ведомством.

Итак, основной вопрос, стоящий сегодня перед субъектами социальной молодежной политики, звучит так: *чем определяется общественное богатство данной территории?*

Попробуем его конкретизировать и уточнить. Во-первых, общественное богатство территории определяется тем, какие **социокультурные среды** (молодежные сообщества, профессиональные группы, поколенческие связи) формируют **лицо территории**. Лицо территории, с одной стороны, формируется множеством естественных процессов, которыми сложно комплексно уп-

равлять — исторически сложившийся уклад территории, миграция населения, экономический уровень населения и т.д. Однако в том случае, если социокультурное лицо территории оказывается в поле сознательной работы управленца с молодежью и её будущим, становится очевидным, что этот процесс управляем: целенаправленно задаются приоритеты в поддержке тех или иных неформальных организаций, в выборе форм досуга молодежи, разработке специфичных для данной территории программ профессионального и социального самоопределения.

Во-вторых, общественное богатство определяется тем, развитие каких компетенций у молодежи наиболее отвечает социокультурному лицу территории. Это очень важный вопрос, поскольку очевидно, что наличие специфических профессиональных сообществ или желание управленца иметь на данной территории такие сообщества определяет и требование к тому, что должен уметь делать человек. К сожалению, сегодня зачастую мы наблюдаем понижение уровня компетенционного богатства территорий. Очевидно, что программы формирования компетенций у подростков должны определяться социальной молодежной политикой, реализуемой на территории, должны быть согласованы с запросами сообщества и ориентированы на повышение культурного уровня территории и его престижности.

В-третьих, общественное богатство определяется стилем жизни сообщества. Стиль жизни городского сообщества — это его уклад, к сожалению, редко используемое ныне понятие. Благодаря городской программе «Московский дворик», процесс формирования уклада жизни в Москве стал осознанным предметом социальной политики. В фокусе социальной молодежной политики формирование уклада территории — это очень сложная проблема. Как передать «укладность» молодому поколению, чей стиль жизни во многом

определяется телевидением и рекламой, то есть универсальными «антиукладными» средствами? Без ответа на этот вопрос все попытки выстроить уклад московских дворов, районов — дело, обречённое на разрушение или бесконечное вложение дополнительных усилий. Способностью управленца формировать на территории сообщества людей, в которых происходит передача молодому поколению позитивных социальных ценностей, определяется эффективность социальной молодёжной политики. Образовательные программы изучения истории своего края, ставшие почти обязательными в современных школах, оказывают большую помощь в этой работе. Однако для того, чтобы эти программы не стали «частным» делом школ, они должны иметь общественный резонанс. Для работы с молодёжью требуется проектирование сред жизнедеятельности, отвечающих современному состоянию общества и целям ближайшего будущего.

Следует сделать одно замечание, связанное с организацией досуга молодёжи в Москве. Компьютерные клубы и игровые залы стали сегодня основными местами времяпрепровождения молодых людей. Понятна задача властей — локализовать уличную толпу в контролируемые и охраняемые места. Однако очевидно, что в долгосрочной перспективе эта локализация приведёт к деградации населения и разрушению всех традиционных форм общественной жизни. Обладая силой эпидемии, примитивная форма времяпрепровождения распространяется лучше, чем организуемые городскими и окружными властями общественные мероприятия, например, такие как празднование Масленицы. К сожалению, это свидетельствует о нашем неумении творчески развивать жизнеспособные и культурно богатые уклады общественной жизни.

Например, Интернет — это не только возможность участвовать в пустой болтовне «по чатам», но и возмож-

ность организовывать интернет-конференции, создавать коммуникативные площадки взаимодействия с группами научных, профессиональных, образовательных сообществ во всём мире. Считаю, что субъекту социальной молодёжной политики по силам создать на своей территории молодёжную моду на «умный» Интернет.

Уже сегодня управленцы муниципальных образований могут выступить в качестве авторов территориальных программ социальной молодёжной политики, ориентированной на формирование общественного богатства территории. Для этого прежде всего требуется политическая воля — видеть в молодёжи основной источник общественного богатства. Необходим экспертный анализ человеческого капитала территории и разработка долгосрочных стратегических направлений его развития.

Реализация экспериментальной программы «Создание в Западном административном округе г. Москвы единого воспитательного пространства и социальной инфраструктуры детства» привела к тому, что на территории нескольких управ были запущены детско-взрослые образовательные проекты, имеющие долгосрочный социальный эффект. К сожалению, пока они являются плодом в первую очередь педагогических усилий, их авторами стали образовательные учреждения. Чтобы оценивать такие проекты в качестве основных инструментов социальной молодёжной политики, требуется активное подключение к эксперименту органов территориальной власти и различных социальных служб. Без стратегических территориальных программ социальной молодёжной политики, объединяющих усилия различных ведомств, опять оказывается, что по-настоящему инвестициями в молодёжь занимается только образование.

г. Москва